

святой цѣли; то обвиняетъ себя въ тщеславіи и гордости, повергаясь въ прахъ передъ карающей десницей; то смиренно бесѣдуетъ на единѣ съ божествомъ, мучительно сознавая свои ошибки, моля о духовномъ обновленіи, вѣря что «онъ ничто, но что свѣтъ, видѣнный имъ, былъ истинный свѣтъ». На кострѣ мы видимъ его безгласной жертвой. Кругомъ вопить чернь, издѣваясь и проклиная: она отчасти вѣрить, что со смертью лже-пророка кончатся бѣдствія Флоренціи, отчасти непосредственно наслаждается зрѣлищемъ униженія и мукъ. Друзья трепетно ждутъ, что хоть въ послѣднюю минуту онъ выйдетъ изъ оцѣпененія, скажетъ что-нибудь, отстоятъ себя. Но Савонарола обводитъ толпу тусклымъ безучастнымъ взглядомъ и молчитъ. «Не такую, конечно, рисовалъ онъ себѣ мученическую смерть!»... «Тѣмъ съ большей справедливостью», говоритъ Дж. Эліотъ въ заключеніе своей художественной лѣтописи, «назовутъ его мученикомъ будущія поколѣнія; потому что сильные міра возстали противъ него не за его слабости, а за его величіе; не за то, что онъ хотѣлъ оболѣстить міръ, а за то, что хотѣлъ возвысить его и облагородить».

Читателю пріятно поэтому, что Ромола, въ эпилогѣ, вспоминаетъ о своемъ учителѣ съ теплымъ чувствомъ и отдаетъ ему должное. Весьма характерна ея бесѣда съ Лилло (сыномъ Тессы и Тито, напоминающемъ отца лицомъ и замашками). Она говоритъ ему въ словахъ, понятныхъ для отрока, что преслѣдуемъ ли мы высшія или себялюбивыя цѣли, мы одинаково не застрахованы отъ несчастныхъ случайностей. Погибъ Савонарола, погибъ и «одинъ человѣкъ», искавшій только пріятнаго себѣ. Вся разница въ томъ, что если бѣдствіе постигаетъ низкую душу, то отрады нѣтъ уже ни въ чемъ, и человѣку остается сказать: «лучше бы мнѣ не родиться».

Дж. Эліотъ вполне сознавала и не разъ высказывала, что писателю не слѣдуетъ отрываться отъ родной почвы, и все-таки увлеклась прелестью чужой страны настолько, что захотѣла населить ее созданіями своего воображенія. Подготавливаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ своему роману, изучая бытъ средне-вѣковой и новѣйшей Флоренціи до послѣднихъ мелочей, она вѣроятно, надѣялась проникнуться этими впечатлѣніями настолько, чтобы образы прошлаго приняла яркость дѣйствительныхъ воспоминаній. Ей однако измѣнило художественное воображеніе: «характеры» вышли у нея великолѣпно, но въ общемъ, обширный матеріалъ сталъ балластомъ, замедляющимъ дѣйствіе и движеніе